

ны примыкають мазанки, въ которыхъ помѣщаются двадцать пять пѣхотинцевъ Египетскихъ съ семействами своими. А внутри ея живутъ Ага, Назиръ и писарь. Вода въ тамошнемъ колодезѣ соленовата. Окрестности Нахеля чрезвычайно пустыньны и безотрадны. Почва известковая и каменная не производитъ ни одной былинки. Жизненные припасы доставляются сюда изъ Акабы и Газы. Намъ принесли нѣсколько арбузовъ, и мы посласились ими.

По захожденіи солнца посѣтилъ меня Ага. Я предъявилъ ему дорожный наказъ паши Каирскаго и просилъ его достать мнѣ двадцать верблюдовъ съ нужнымъ числомъ проводниковъ до самаго Хеврона. Онъ обѣщался привести ихъ утромъ и отправить насъ безъ малѣйшаго замедленія. По его словамъ, крѣпость Нахель построена въ началѣ шестнадцатаго вѣка Египетскимъ Султаномъ Ешрефъ Кансу и поправлена Ибрагимомъ пашею, сыномъ знаменитаго Мегмета Али; отъ Газы она отстоитъ на шесть дней, а отъ Акабы на три дни пути; мусульманскіе поклонники давненько перестали ѣздить въ Мекку чрезъ Нахель, предпочитая ближайшій путь по Красному морю.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Путь отъ Нахеля до Мизэлахъ.

6. Воскресенье.

До восхода солнца Синайскіе Бедуины простились съ нами и пошли обратно въ свои кочевья. Усердно служили намъ эти чада пустыни. За то я, сверхъ условной платы, одарилъ ихъ щедро, а Шеху Салеху, по желанію его, далъ два похвальные письма на показъ монастырю Синайскому и путешественникамъ. Онъ и нѣкоторые изъ дружины его, прощаясь со мною, цѣловали мои руки.

Послѣ нихъ явились новые проводники съ требуемымъ числомъ верблюдовъ. Ихъ привелъ самъ Ага; и въ его присутствіи тотчасъ заключено и подписано было условіе мое съ ними. По шумомъ раздѣлѣ задатка они навьючили верблю-

довъ; и мы отправились въ путь ровно въ восемь часовъ по полуночи. Нечего было смотрѣть въ однообразной и мертвенной пустынѣ. Посему я обратилъ вниманіе на новыхъ проводниковъ своихъ. Всѣ они—Бедуины; ростомъ малы, но крѣпки; смуглы, но не черны; ноги у нихъ толсты; головы обриты, но такъ, что оставлены пейсы, какъ у Евреевъ: Эти косички служили явнымъ доказательствомъ, что они произошли отъ тѣхъ Идумеевъ, которые при Иродѣ великомъ приняли законъ Еврейскій.

Въ два часа по полудни поѣздъ мой остановился на ночлегъ у рубежа кустистой Уади Агаба. Она стелется поперекъ дороги съ востока на западъ и впадаетъ въ долину Ель—Аришъ.

7. Понедѣльникъ.

Хорошо путешествовать въ пустынѣ. Тамъ нѣтъ соблазновъ; душа—вся въ Богѣ; здоровье цвѣтетъ, какъ манновое дерево; спишь сладко, а встаешь рано и бодренно.

Въ пять часовъ я уже былъ готовъ въ путь и, пока Арабы выючили верблюдовъ, пошелъ впередъ.

Густѣйшій и мокрый туманъ разстился по землѣ, такъ что кругомъ ничего нельзя было видѣть. Опасеніе потерять дорогу остановило меня въ руслѣ Агабайской долины. Она есть не что иное, какъ широкая и мелкая ложбина на пустынной плоскости, не много покатою отъ востока къ западу. Средина ея, обильно орошаемая дождевыми водами, наполнена высокими и тѣнистыми маннами. Эти деревья, въ цвѣтѣ, обременены были каплями росы, а подъ ними было сухо. Сіе явленіе напомнило мнѣ руно Гедеоново.

Когда караванъ мой перешелъ Уади Агабу; лучи восходящаго солнца погнало туманъ къ Средиземному морю. Онъ, несясь туда, сгущался, бѣлѣлъ, садился на горѣ Ёлакъ, и повилъ ее всю, какъ бѣлою кисею. Эта гора, въ такомъ утреннемъ одѣяніи, казалась мнѣ подобіемъ сонма оглашенныхъ Идумеевъ, которые нѣкогда въ бѣлыхъ хитонахъ принимали крещеніе въ сосѣдней Елузѣ; и я молилъ Бога, чтобы Онъ озарилъ свѣтомъ истинной вѣры ихъ потомковъ, сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй.

Въ половинѣ осьмаго часа мы спустились съ Агабайской плоскости на обширѣйшее поле песчаное, которое такъ ровно, что хоть яйцо пока-

ти, куда хочешь. Спускъ къ нему не глубокъ. Направо отъ насъ была гора Хрымъ, налѣво равнина, и Уади Ель-Аришъ; въ передней дали преграждали дорогу сцѣпленные холмы Муэлѣхскіе, повитые воздушною синевою; а на востокъ коегдѣ мелькали возвышенія подѣ тѣмъ же покрываломъ. Вообще, эта равнина показалась мнѣ нѣсколько похожею на Эдрелонское поле въ Галилеѣ.—Стало жарко. Дорога вела насъ мимо Хрыма, въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ сей горы, западнѣе. Тутъ около нея растетъ множество смерчій, кои Бедуины называютъ Библейскимъ именемъ, Рѣтемъ. Подѣ симъ кустарникомъ спалъ пророкъ Илія, когда проходилъ здѣсь на Синай, укрываясь отъ гоненія Іезавелл.

Немного выше Хрыма поперекъ дороги стелется отъ востока къ западу широкая Уади-Граа и впадаетъ въ долину Ель-Аришъ. Почва ея бѣловата. На ней въ обилии растутъ смерчія и манны. Эта Уади, какъ и всѣ прочія въ Эт-Тихъ, есть не что-иное, какъ ложбина съ русломъ, по которому порой текутъ дождевыя воды. Посему вся Эт-Тихская страна подобна скатерти, поперекъ которой по желтой канвѣ протканы зеленныя полосы въ неравнобѣрныхъ разстояніяхъ. Пере-

ѣхавъ Грайскую ложбину, я подозвалъ къ себѣ одного пожилаго проводника, котораго лице обнаруживало здравый смыслъ, и началъ разговоръ:

— Скажи мнѣ, золотой мой: какія племена Бедуинскія кочуютъ въ здѣшней странѣ?

Старикъ началъ перечислять ихъ безъ указанія мѣстностей. Почитая бесполезнымъ такое перечисленіе-тѣмъ болѣе, что трудно было упомнить множество Арабскихъ названій, я приудержалъ его, сказавъ:

— Пстой, пстой, старинушка. Память у меня слаба. А названія племенъ благородныхъ Бедуиновъ такъ мудрены, что я перезабуду ихъ. Начнемъ счетъ снова, вонъ, оттуда, отъ большого моря. Теперь повѣдай мнѣ: какое племя кочуетъ тамъ, начиная отъ Газы до Суэса.

— Племя Тарабиновъ.

— Сильно оно?

— Весьма сильно, и въ большой дружбѣ съ нами.

— А ты изъ какого племени?

— Я Тайягъ.

— Гдѣ же скитаются твои Тайяги?

— Во всей долинѣ Ель-Аришъ отъ Абу Мтегане до Биръ-Себы (Вирсае). Насъ два рода: Бенейаты и Сугейраты.

— Сильны вы и богаты?

— У-у-у! Кто постоитъ противъ насъ?

— Направо отъ нашей дороги, тамъ, за холма-

ми, ближе къ Халилу (Хеврону) и Бахрѣ-Луту (Мертвому морю) какіе Бедуины живутъ?

— Азазимы, Джехалины, Дулзмы, Сайдіе и пр.

— А ниже ихъ, у горъ Мыхра, Арайфъ, Оджме и Бейяне, чьи тамъ шатры?

— Хаэтатовъ и Амрановъ.

— Чьи кочевья лучше и богаче водами и пажитями?

— Вся эта сторона хороша. Она принадлежитъ всѣмъ намъ, и гдѣ мы хотимъ, тамъ и кочуемъ. Богъ насъ любитъ равно, и когда посылаетъ дожди, тогда вездѣ мы-цари.

— Шехи ваши умѣютъ ли читать и писать?

— Благородному Бедуину стыдно заниматься такимъ дѣломъ. На то есть писари въ Нахлѣ, Газѣ, Халилѣ и Акабѣ.

— Отъ кого произошли на свѣтѣ всѣ благородные Бедуины?

— Отъ Адама.

Что ты знаешь объ Адамѣ?

— Богъ сотворилъ его сперва одного, а потомъ жену его. Адамъ долго искалъ ее, когда нашелъ, полюбилъ; и она ежегодно рождала ему сорокъ дѣтей мужскаго и сорокъ женскаго пола. Одинъ изъ сыновъ его назывался Авраамъ. Онъ родилъ Измаила и хотѣлъ принести его въ жертву: но Богъ воспретилъ ему это. Отъ Измаила произошли всѣ наши предки и пророкъ Мухаммедъ.

— Какъ вы называете племя сего пророка?

— Гравшъ.

— Гдѣ оно теперь находится?

— Около Туниса.

Послѣ сего отвѣта старикъ, въ свою очередь, началъ спрашивать меня: изъ какого я племени; много ли народу въ Московіи; есть ли тамъ Бедуины, верблюды, и хорошій кормъ подножный; почитаютъ ли тамъ Магомета, и пр. Я удовлетворилъ его любопытство.

Въ разговорахъ чрезъ переводчика нечувствительно прошло около полутора часа на пути отъ Уади Граэ до Уади Еш-Шарѣфъ. Въ сей долину мы учредили свой станъ до слѣдующаго утра. Она кустиста и окаймлена низкими отпрысками ближней горы Арайфъ Еш-Накаба. Эта известково-кремнистая гора во всю дорогу была видна намъ вправѣ. Она господствуетъ надъ пустынею, какъ нѣкій исполинъ. Вершина ея остра, бока же отвѣсны наклонно. Отъ ней въ прямомъ направленіи къ востоку далеко тянется высокій кряжъ, оканчивающійся горою Мыхра, а на юго-западъ простираются низкіе холмы, которые близко подходятъ къ горѣ Хрымъ и тутъ прекращаются. Названіе Арайфъ и Еш-Шарѣфъ звучатъ такъ, что напоминаютъ Библейскій Асирѣфъ, въ которомъ жили исполины Евей, истребленные Филлистимлянами (Второз. 2, 23).

8. Вторникъ.

Утро было весьма туманно. Роса смочила землю. Когда все было готово къ отъѣзду; мы пошли пѣшкомъ впередъ. Стезя вела насъ межъ двухъ невысокихъ холмовъ, окаймляющихъ Уади Шараэфъ. Какъ только мы переступили за черту междухолмья, внезапно увидѣли предъ собою на землѣ то, что видится только на небѣ. Яркая радуга блистала надъ головами нашими у самыхъ холмовъ и, цѣлая, двигалась по землѣ торопко поперекъ стези, такъ что мы на мгновеніе очутились подъ нею, какъ подъ сводомъ триумфальныхъ воротъ. Я невольно остановился и въ неизрѣченномъ веселіи воскликнулъ: *сіа врата небесная!* Прекрасное седмицвѣтное явленіе перешло по песку налѣво отъ дороги и нѣсколько мгновеній брежжилось одною стороною въ бѣловатомъ туманѣ, подлѣ угла скалы, такъ близко отъ насъ, что можно было схватить его, еслибъ извѣстно было средство вдругъ спустить и отвердить разноцвѣтные отливы солнечнаго свѣта въ влажномъ туманѣ. Налюбовавшись путешествующею радугою, мы пошли далѣе.

Когда солнце разсѣяло туманъ; взорамъ пред-

ставилась обширнѣйшая равнина, обставленная съ четырехъ сторонъ горами и ихъ отпрысками. Въ передней дали, на сѣверѣ, обозначались высоты Муэлехскіе волнистою полосою снѣга цвѣта; направо показалась гористая страна Азазимовъ, налѣво длинная гора Хелаль въ направленіи отъ сѣвера къ югу, а позади насъ замыкали дорогу Шараэфскіе холмы. Спустя четыре часа по отъѣздѣ съ ночлега, въ началѣ десятаго, мы послѣ Уади Маграфъ достигли до широкой и наполненной маннами долины Джеруръ. Она впадаетъ въ Уади Ель-Аришъ. По словамъ проводниковъ нашихъ, въ ея верховьяхъ, у восточныхъ горъ, мѣстные Бедуины сѣютъ ячмень, а въ низовьяхъ выращаютъ арбузы. Вотъ гдѣ начинается, или, оканчивается земледѣліе! Отсюда я послалъ двухъ Арабовъ въ ближнее кочевье съ наказомъ, чтобы они привезли намъ арбузовъ въ Муэлехъ, гдѣ предложено было ночевать. Воздѣланность долины Джеруръ и сходство ея Арабскаго названія съ Еврейскимъ, Гераръ (*) позволяли мнѣ думать, что эта долина составляла южную границу владѣній Герарскаго царя Авимелеха, съ которымъ дружили Авраамъ и Исаакъ и что въ этомъ око-

(*) Еврейское *Г* Арабы измѣняютъ въ *Дже*.

лоткѣ сія патріархи сѣяли хлѣбъ, копали колодцы и пасли стада свои, а столичный городъ Герары находился выше, или на сѣверѣ отъ Джерура, или на сѣверозападѣ; ибо въ сей юдоли нѣтъ никакихъ развалинъ. Отъ ней мы ѣхали полтора часа до Уади Сесабъ въ сѣверо-сѣверо-восточномъ направленіи. Эта песчано-глинистая долина, впадающая въ Уади Ель-Аришъ, была распахана для посѣва ячменя послѣ перваго осенняго дождя. Обработанность ея еще болѣе убѣдила меня въ томъ, что въ здѣшнемъ околоткѣ у Исаака *быша скоти овецъ, и скоти воловъ и земледѣлія многа* (Быт. 26, 14). Сіе убѣжденіе совершенно созрѣло, когда пришлось переѣзжать широкую и богатую пажитями Уади Ель-Хаифэ, на западѣ соединяющуюся съ долиною Ель-Аришъ. Ибо Бедуины Тайягіэ засѣваютъ ячменемъ всѣ низменныя мѣста ея. Названіе Ель Хаифэ значить, боящаяся женщина. Не супруга ли Авраама такъ прозвала эту юдоль, когда царь Герарскій приказалъ взять ее къ себѣ въ домъ? (Быт. 20). Изъ Хаифэ мы скоро прибыли въ Уади Муэлехъ и въ ней учредили свой станъ въ половинѣ втораго часа по полудни. Эта дебрь со всѣхъ сторонъ окружена и внутри уставлена не

высокими буграми, которые издали казались вершинами горъ. Куда ни посмотришь, вездѣ видишь кучи глины, промойны, рывины. Взоръ блуждаетъ въ ихъ излучистомъ расположеніи. Въ Муэлехѣ есть родники горькой воды, Манны, и обильное пастбище для верблюдовъ, Тутъ мимо насъ проѣхалъ въ Газу небольшой караванъ для закупки пшеницы. Во время поздняго обѣда, когда я толковалъ своей дружинѣ слова Писанія, — *простру на Идумею сапогъ Мой*—и заключилъ, что онѣ означаютъ присоединеніе сей страны къ Иудеѣ по праву ужичества, котораго знаменіемъ служило иззутіе сапога, намъ сказали, что двѣ ябинти Герарскія (*) пріѣхали на ослахъ съ арбузами. Мы пошли выбирать и торговать эти сахарныя овощи, и купили ихъ восемь за тридцать коп. сер. Торговки, черныя, сухія, низенькія, называли арбузы свои хабхабъ.

(*) Ябинти значить, дѣвушка. Однако Арабы этимъ нарицательнымъ именемъ называютъ и замужнихъ женщинъ, по учтивости.